

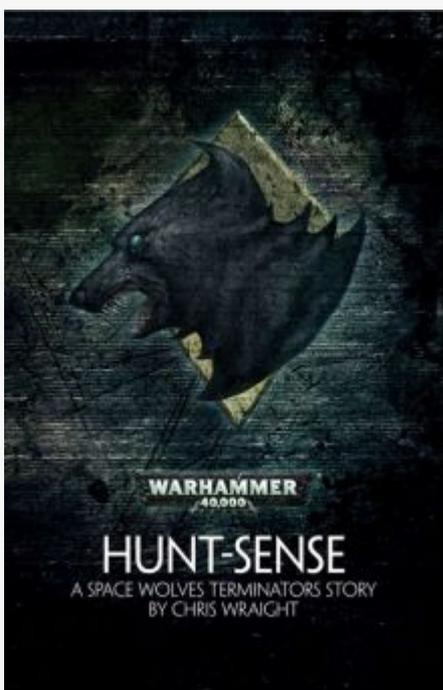
Охотничье чутье / Hunt-Sense (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Охотничье чутье / Hunt-Sense
(рассказ)

Автор [Крис Райт / Chris Wraight](#)

Переводчик [Волковолк](#)

Издательство Black Library

Год издания [2014](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Голод гнал его. Хлестал его, когтями раздирая пустой желудок, заставляя бежать быстрее и искать лучше. От нехватки пищи зрение обстроилось даже в глубокой зимней ночи, мерцавшей вокруг. От голода всё вокруг стало ярче, чётче, живее.

Он перестал бежать и, тяжело дыша, опёрся на ствол ближайшего дерева. Впереди он видел снег, доходящий до голени, переливающийся сине-белым мерцанием под скрытыми пологом леса звёздами. Вокруг вздымались деревья, широкие и разросшиеся, слабо мерцающие, словно были вымазаны в масле.

Между стволами словно разлились чистые чёрные пруды, в которых тонул поглощаемый свет. Остальные лучи не пускал густой полог листьев, и потому под ногами виднелись лишь мерцающие полосы и пятна снега.

Он чувствовал на спине пот. Останавливаться опасно – если он охладится слишком быстро, мышцы скрутит. А если их скрутит, то он не выберется из леса. Накинутые на плечи тяжёлые меха не смогут отгонять ночной мороз вечно. Чтобы согреть кости нужен огонь, а чтобы питать их – мясо.

Плоть. От одной мысли потекла слюна. От неё зарычал живот, и задрожали руки. Он не помнил, когда ел в последний раз. Его сородичи будут ждать высоко в верховых болотах, дрожа вокруг огненной ямы, ожидая, когда вернётся охотник и принесёт с собой тушу. Старый гадатель рун будет искать знамения его судьбы, а щенки – кричать от голода.

Но сейчас он не мог думать об этом – сейчас важна была охота, погоня, тьма и свет, запахи, слабые отзвуки, чувство земли под ногами.

Он глубоко вдохнул, раздувая ноздри, рискнув вдохнуть больше холодного воздуха, желая учуять добычу во тьме. Над головой трещали тяжёлые от снега ветви, а ветер выл над разбитой землёй словно призраком. Стужа была совершенной и обвивала всё живое своими ледяными объятиями.

Зверь был здесь, где-то среди высоких столбов деревьев, он жался к земле и тяжело дышал на ковре из разбитых иголок, ожидая его.

Он склонил голову, пытаясь прикинуть расстояние, направление, поместить себя в разум преследуемого.

Охотничье чутьё – так это давно назвал для себя Ульфан, способность пробраться в разум добычи, увидеть, куда она побежит, наметить незримые тропы судьбы, петляющие по узким путям цельного мира. Все достойные охотники умели делать так, проникать в вюрд зверя, как готи проникали в вюрд людей.

Он принялся вновь, чувствуя тяжесть ветвей над головой, душащих всё кроме кусачего ветра. С тем же успехом он мог бы быть под землёй, в нижнем мире, в ловушке пещер, петлявших и извивающихся под беспокойной землёй Фенриса.

Этот лес был младше него, но деревья уже вытянулись в высоту на сотню шагов, скорчившиеся сучковатые ветви тянулись к далёкому свету, прочные как железо, твёрдые как кость. Если бы он пошёл дальше, то лес бы сомкнулся вокруг него, заставив идти по узким тропинкам, покрытым щетиной инея и колючками, способными пронзить живот мужчины. И где-то там скрывался зверь, ворча, урча, свернувшись в ожидании весны. Зверь поймёт, что за ним идёт охотник.

Ульфан сжал топор. Когда он повернул его, звёздный свет замерцал на выцарапанных на клинке рунах – тонких линиях серебра.

Он сам назвал его, послав готи, хранивших эту честь для себя. Скулбротсйор – так он назвал его. Череполом. Он легко лежал в руках – деревянная рукоять, да железный клинок, вбитый в скол и обмотанный кожей. Не лучшее оружие, но зима была суровой, и им приходилось бороться за каждый клочок и пользоваться тем, чем есть.

Направьте этот клинок, взмолился он, покосившись на небо, увидев проблеск далёких звёзд в узкой прорехе между ветвями, не зная, услышат ли его таящиеся в вышине боги резни и удачи.

А затем он пошёл дальше, петляя между деревьями, тряся длинными волосами.

Они высадились на «Громовом ястребе» «Злоба Хель».

Боевые прорицатели ордена опознали старый открытый пустоте ангар на одном из сбитых в кучу корпусов и притянутых космических обломков во внешней оболочке скитальца, а боевого орудия корабля оказалось достаточно, чтобы пробить путь внутрь.

Во время подлёта, во время разворота под боком скитальца, Гуннлаугур смог разглядеть вблизи его – тянущийся ввысь во всех направлениях, измученный ужасами и временем, всё ещё мерцающий от эфирных огоньков, сияющих над измученной тушей словно трупный газ.

У них не было данных ни о внутренней планировке, ни архивных записей о прошлых появлениях, ни тактических показаний сенсорной проверки снаружи. Бегемот мог провести в варпе тысячелетия или даже века. Он мог быть пустым, полным лишь эха, а мог быть кишеть ксеносами. Да он вообще мог бы быть обычным астероидом, если бы не туррели и лопасти, выступающие из окостеневшего скрепляющего материала. Здесь были похоронены корабли, некоторые старые как Империиум, а другие, возможно, ещё старее. Когда они приблизились и обозревательные порталы стали показывать лишь шероховатую оболочку, Гуннлаугур ощутил, как волосы на шее встают дыбом.

Малефикарум. Скиталец изрыгнуло из варпа, и застарелая вонь эфира тянулась через пустоту, вызывая ту же реакцию, что и всегда. Он сжал рукоять громового молота крепче, направляя жажду убивать в нечто более полезное.

«Злоба Хель» проскользнула в тень разбитого входа в ангар, напором двигателей удерживая положение. Внутри кабины экипажа корабля красные фонари исчезали во мраке, и тревожное освещение мелькало вдоль входа на спусковую рампу.

- *«Рука Русса»*, - раздался голос пилота по каналу стаи, и пустотные затворы раскрылись, обрушив рампу. - *Доброй охоты.*

Первым вышел Гуннлаугур, давя решётчатый металл своим терминаторским боевым доспехом, наслаждаясь его огромным весом и мастерством его создателей. Следом шли четыре его брата по стае, каждый в одинаковых льдисто-серых доспехах, шаги каждого тяжелы и раскатисты.

«Злоба Хель» поднялась, с трудом разворачиваясь в тесном ангаре, а затем вылетела наружу, готовясь занять сторожевой пост на двухсоткилометровой дистанции.

Скиталец получил название «Скорби праведников» от имперских таксономеров, как только появился на дальних авгурах висящих глубоко в пустоте военных станций сектора Лофракс. Вскоре были отправлены стандартные протокольные запросы о содействии, что привело к вызову ближайшей истребительной команды Космических Волков «Эльдурстёрм». Время было вызвано как нельзя кстати: оно позволяло подняться на борт задолго до того, как скиталец проникнет в обитаемое пространство, что давало стае время зачистить его зловонные глубины прежде, чем туда придут на запрос команды эксплораторов со станций Адептус Механикус.

Терминаторы приняли построение стаи: Гуннлаугур, Слай и Арфол в центре с оружием ближнего боя – громовым молотом, молниевыми когтями, силовым мечом и грозovým щитом – а Варьек и Фьюрн встали по бокам с штормболтером и штурмовой пушкой.

Всю атмосферу выбило из ангара во время их входа, и потому за пределами доспехов не было слышно ни звука. Гравитационное поле скитальца не было постоянным, возможно, его вырабатывали древние устройства глубоко внутри, и потому для того, чтобы стоять ровно, терминаторы использовали компенсаторы доспехов. Стая Волчьих гвардейцев наступала медленно и безмолвно, тяжело ступая по ангарному полу, в сторону контрфорсов и обветшавших с годами опорных колонн.

Гуннлаугур слышал цикл респираторов, медленный рокот сердец, внешнее гудение огромных энергетических ранцев, вой двигающихся сервосочленений. Прокручивающиеся перед полем наблюдения показания были незнакомыми, так как шлем был старым, гораздо старше, чем его обычный, и затемнённые символы мерцали на чужом тактическом экране.

Впереди от них зиял проход, вскрытый во время разрушительной высадки и распахнутый словно открытая пасть. Внутри была полная темнота, неразгоняемая даже тусклым светом звёзд.

Гуннлаугур моргнул, включая линзы шлема, бросая полосы серебряного света на неровную местность. Сделав это, он вспомнил другую охоту, лунный свет, клинок в руке, который тоже звали Скулбротсйор.

Но лишь на мгновение. Идя вперёд, он ощутил, как по металлическому полу отдаётся первая дрожь, замеченная как им самим, так и авточувствами доспехов. Существа уже двигались, разгибались, прыгали, царапали, бежали. Он мог себе представить, как глубоко внутри пробуждённые приходом стаи открываются глаза чужаков и растягиваются набитые клыками пасти.

Уже скоро.

Он бежал всё быстрее. Его тело ненадолго забыло о голодных корчах, наполнившись адреналином и врождённой яростью. Теперь он чуял добычу – мускусный, резкий запах волка, мокрого, как песья шкура, вымазанного в крови. Он убивал? Или был ранен?

Он свернул, пробегая мимо спутанных корней громадного дерева, проскользнул мимо потяжелевших от снега ветвей. Кровь текла на землю со ступней, ободранных камнями. Обматывавшие руки слои перевязок соскальзывали, отчего сжимавшие топор пальцы саднило.

Земля резко оседала, спускаясь к замёрзшему подножию ложбины, заросшей деревьями и неровными кустами. Мимо мелькали огромные силуэты, едва различимые в сумраках. Он шёл наощупь и на запах, прячась под ветвями, перепрыгивая через булыжники, скользя по похожему на тёмное стекло льду и пробираясь через груды снега.

Его лёгкие саднило от усталости и ледящего воздуха. На бегу он смотрел во все стороны, мотая головой, вглядываясь в сумрак так, словно он мог что-то разглядеть, разогнать его мыслями.

Думай. Следи за землёй. Куда он пойдёт?

Впереди тянулась извилистая тропа к подножию ложбины, и там путь преграждали колючки, похожие на скрещенные мечи. Слева вздымался гранитный утёс, сверкающий ото льда и увенчанный сугробами. Справа возвышались деревья, тянущиеся рядами, словно колонны в зале ярла.

Он принялся, но теперь запах был везде. Запах манил его вниз, обещая открыть логово. Ульфан почти направился вниз, идя вприпрыжку, скользя по склону.

Затем он резко остановился, разбросав снег, и посмотрел на утёс справа, высоко подняв свой

треснувший в центре топор. Да, тут можно залезть.

Ты пошёл туда. Ты увидел это место. Ты увидел возможность наброситься.

Ульфан подобрался к ближайшей опоре и начал карабкаться. Лёд холодил пальцы, камни рассекали плоть. Он крепко сжал топор зубами, взбираясь наверх. И вот он почувствовал жаркий запах волка на льду и понял, что не ошибся.

Взобравшись на гребень, он прыгнул, желая сразу подняться на ноги, сжимая топор в руках. Перед ним простиралась ровная поверхность вершины, полная освещаемых звёздами сугробов.

Сердце подпрыгнуло в груди Ульфана, когда он увидел следы - тяжёлые, глубоко вдавленные в снег следы лапы и её четырёх когтей. Он побежал по следам, по вершине, направляясь к другим зарослям кустарников, увенчанных шипами длиной с руку.

Ульфан слишком поздно заметил глаза, прячущиеся под переплетениями кустов, ждущие, пока он пробежит мимо вдоль следов, ждущие и верные своему охотничьему чутью.

Он резко обернулся, поднимая топор, но зверь был слишком быстрым. Он вырвался из укрытия и в два прыжка словно проглотил землю между ними, широко распахнув челюсти, брызжа слюной, и взревел, стряхивая снег. Волк был огромным, ростом ему по плечо, черногривым зверем, пригнувшимся словно под тяжестью костей и канатоподобных мускулов. Времени не было. Зверь набросился слишком быстро, пытаясь укусить руки, разорвать глотку и повалить Ульфана. Каким-то чудом он успел ударить топором в лицо, отведя клыки, и отшатнулся, поскальзываясь на льду. Затем Ульфан потерял равновесие, рухнул на сместившуюся землю и покатился к дальнему склону, обратно к подножию ложбины.

Но затем он увидел, как потемнело небо. Волк прыгнул, преследуя его, вытянув лапы, сверкая жёлтыми глазами.

Затем они тяжело ударились о скалы, и пришла боль.

Спустя две палубы пути они вновь вошли в наполненные воздухом зоны, и начались первые засады.

Это не удивило никого - каждый Волчий гвардеец уже однажды сражался на скитальцах и потому знал, как нападают ксеносы - но скорость их всё равно поражала.

Они спускались по покатоному коридору, ржавому, пахнущему древними машинными маслами. Стены сжимались вокруг, царапая их наплечники и шлемы, задерживая движение, давая идти только по двое. Гуннлаугур и Слай шли впереди, идя так быстро, как позволяла тяжёлая броня, а за ними следовали другие.

Первый ксенос выпрыгнул из провисшей панели на потолке, с грохотом упал и побежал во главе копошащегося роя. Это были типичные генокрады: белые как молоко в резком свете люменов, шестирукие, крепопанцирные, красноглазые, хлещущие крючковатыми когтями, щупальцами и клыками, стрекочущие и головокруглительно быстрые.

Гуннлаугур взмахнул громовым молотом, вбивая переднего ксеноса в дальнюю стену. Вспыхнуло расщепляющее поле Скулбротсйора, и череп твари взорвался, забрызгав их мозговым веществом.

Слай бросился навстречу рюю, размахивая молниевыми когтями. Трёх ксеносов разорвал он, рассёк на

части их хитиновые шкуры, но новые кишки там, за панелью, и словно хлещущая когтями волна прыгали в тесный коридор. Они карабкались друг на друга, забивая всё пустое пространство от пола до потолка, и казались единым многоруким существом из пастей, языков и когтей.

Разорвалась очередная панель, на этот раз позади. Варьек обернулся навстречу угрозе, стреляя из штормового болтера. Арфол ударил грозовым щитом, вбивая двух тварей в ближайшую стену, а затем бросился на остальных с гудящим цепным клинком.

Фьюрн подал заранее обговорённый сигнал, и Гуннлаугур и Слай немедленно отступили к противоположным стенам, открывая между собой узкое пространство. Из штормовой пушки Фьюрна вырвалась короткая очередь, кружащиеся стволы тяжело застучали, разрывая на части рой впереди, забрызгивая всю открытую поверхность ихором чужаков. Едва стихло эхо, как Волчьи гвардейцы бросились на выживших, ударами потрескивающего от энергии оружия отправляя их навстречу смерти. Коридор качался и вспыхивал, когда смещались нацеленные люмены, словно в остановившихся кадрах они видели оскаленные морды вопящих чужаков.

Генокрады наконец отступили, оставив на полу разорваны тела сородичей, и скрылись в глубине туннеля. Слай направился за ними, наполняя энергией сыплющиеся искрами когти, явно поддавшись жажде убивать. Фьюрн опустил штормовую пушку и направился за ним, давя доходившие до колена груды разбитых панцирей. Туда же направился и Гуннлаугур, но внезапно ощутил тревогу. Коридор тянулся дальше, склоняясь вниз, вёл к глубокой шахте. Сенсоры брони чувствовали движение, десятки сигналов тварей, готовящихся к новому нападению.

Он остановился. Остановились и другие, и Слай повернул к нему красноглазый шлем.

- В чём дело?

Пришло воспоминание: освещаемый звёздами лес, черногрив на высокой земле, ведущий вниз запах, предупреждение охотничьего чутья.

Ксенос, волк. Добыча, мыслящая одинаково.

- Они заманивают нас, - ответил Гуннлаугур, подходя к стене. Панели, продавленный металл, ослабели от времени, но всё ещё были достаточно прочны, чтобы помешать проверке авгуров. Он взмахнул молотом и ударил, расколов ближайшую панель, и она, вырвавшись из креплений, упала, открыв пустое пространство. Оттолкнув висящую часть, Гуннлаугур протолкнулся внутрь.

Ему открылся зал, освещаемый красным светом до сих пор активных энергокатушек, с потолка свисали цепи старых подъёмных станций. Во тьме сверкали ряды глаз чужаков, засевших среди древних машин, ближайšie - лишь в пяти метрах от него.

Там же был и он, направляющий разум, теперь ясно видный. Он сдерживал тварей, наполняя коридоры низшими воинами, заманивая Волков вперёд. Едва они бы спустились в шахту, как рой бросился бы за ними словно поток крыс и задавил бы их числом. Гуннлаугур перехватил молот двуручным хватом, когда внутрь тяжело шагнули его братья по стае. Ксеносы уже мчались, яростно шипя, сияние нацеленных люменов выхватывало из полумрака дьявольские глаза.

Он наполнял энергией Скулбротсйор, наслаждаясь резкой отдачей прыгающих разрядов. Он шагнул вперёд, готовясь к замаху, а затем обрушил тяжёлый молот на ближайших тварей.

Волк вдавил его в землю, пытаясь схватить за глотку, разрывая грудь когтями. Он едва видел – кровь залила глаза и всё лицо. Что-то царапало мускулы его нижней части спины. Черногрив прижал его, придавил ко льду морозной ложбины.

Каким-то чудом Ульфан смог ударить его топором по лицу яростным, отчаянным взмахом. Клинок зацепил челюсти волка, срывая с дёсен плоть, и черногрив встал на дабы и взвыл, их кровь смешалась.

Он смог отползти, опираясь на спину, отталкиваясь ногами, выскользнуть их хватки волка – вонючего, смердящего так, что Ульфана тошнило, но он не останавливался и отползал, делая всё что угодно, чтобы двигаться дальше.

Волк вновь бросился на него, бросился к животу, намереваясь разорвать его и выпустить кишки. Он вновь ударил топором и попал в цель, заставив зверя отступить.

Он заставил себя подняться на ноги, дрожа, истекая кровью. Всё перед глазами плыло. Волк, держась на расстоянии, кружил вокруг, пригнув голову, с челюстей его капали кровь и слюна. Он был огромным, тяжёлым, зловещим чёрным призраком глубоких щабов, золотоглазым, желтоклычным, кровавопастным. Ульфан видел, как мускулы волка двигаются вновь, напругаясь перед прыжком. Он видел, какие нанёс раны.

Он сжал топор одной рукой в ослабевшей от страха ладони. Махнув клинком, он увидел, как волк следит за железным лезвием. Зверь знал, что топор приносит боль, и не выпускал из виду.

Это может пригодиться. Ульфан знал, что думает волк – боится железа. Он будет остерегаться топора, видя в нём единственный клык человека, способный его ранить. Другой рукой он потянулся к поясу, ища пальцами что-то.

Волк бросился вперёд, обрушившись на него словно потрескивающий разряд грома, рыча и щёлкая пастью. Запах крови привёл его в ярость. Ульфан знал, что будет делать зверь – он попытается схватить руку в запястье, оторвать её и лишит человека когтей. Если он будет достаточно быстрым, то сможет отдёргнуть руку и попытаться отбить новый удар в шею.

Но Ульфан не отдёргнул руку и ощутил хватку похожих на капкан челюстей на запястье.

Он взревел от боли, ощутив, как клыки волка впиваются в кости, калеча, разрывая плоть. Всё перед глазами содрогнулось. Ульфан едва смог поднять другую руку – ту, которой он взял с пояса дирк – и теперь он вонзил его в бок волка изо всех сил.

Зверь забился от муки, всё ещё сжимая челюстями его правую руку, глаза волка закатились, из пасти потекла кровавая слюна. Ульфан сильнее вдавил дирк, рассекая мускулы к сердцу. Он вдавливал его, крича от боли в тёмной ночи, изо всех сил пытаясь остаться в сознании даже тогда, когда жутко хрустнули кости, и волк вырвал его руку из запястья.

Он так и не увидел, как из раны забил фонтан крови, горячей и густой словно смола. Он думал лишь о левой руке, режущей волка, словно свежевательный нож мясника. Черногрив пытался дотянуться до его глотки, но его тяжёлые ноги подогнулись, и они оба вновь рухнули на лёд.

Ульфан был залит кровью, своей и зверя, исходящей паром на побагровевшем снегу. Его ноги потяжелели. Волчья голова придавила его, вбила в леденящую землю. Он едва мог дышать, так его придавила туша зверя. Ульфан чувствовал, как его покидает тепло жизни, истекающее из раны, опустошающее его.

Он пытался остаться в сознании. Он цеплялся за душу здоровой рукой, хватал её, пытающуюся сбежать из залов тела, вдавливал обратно в клетку костей. Он бредил. Сходил с ума от кровопотери. Он видел, как вокруг стоял фигуры в масках, злобно смотрящие на него – боги охоты, разгневанные его неудачей.

– Я убил его! – закричал Ульфан, прижатый к земле безжизненным телом волка.

Но всё было бесполезно. Мольбы были тщетны. Ему оставалось лишь вонзить дирк глубже, рассекая горячую плоть хищника, чтобы убить наверняка, даже умирая.

Он пытался удержать глаза открытыми. Над ним стояли деревья, безмолвные часовые, чёрная стена перед морем звёзд.

Он боролся до самого конца. А затем дирк выпал из его рук, клинок покотился по залитому кровью льду, и ночь забрала его.

Терминаторы бросились в атаку, пробиваясь к центру зала. Пол трескался под их тяжёлыми шагами, а навстречу мчались чужаки, вытянув когти и хлеща длинными языками. Они спрыгивали с вершин и выскакивали из ям, появлялись из тайных проходов в вечной тьме. Единственным светом в зале было злое сияние полумёртвых энергокатушек, двигающиеся вспышки нашлемных люменов, неоновый жар впившихся расщепляющих полей.

Слай и Фьюрн шли справа, Арфол и Варьек слева, гоня чужаков обратно в тени. Воины сражались вместе, парами – ближний бой и выстрелы вместе обеспечивали уничтожение. Генокрады визжали и выли, петляя и метаясь, пытаясь подобраться достаточно близко, чтобы впиться рвущими броню когтями, но их разрывало на части градом болтерных снарядов. Всех подобранных достаточно близко повергали молниевые когти и силовой меч, вскрывая панцири, и ихор тёк на пол зала.

Но Гуннлаугур не сражался в этом бою. Его братья обрушились на орды врагов, безжалостно их истребляя, сдерживая рой. Он же шёл к центру, туда, где его ждал поединок, и громовой молот его рычал.

Он уже часами чувствовал нарастающее с каждым шагом присутствие разума. И теперь его источник стоял прямо перед Волчьим гвардейцем, и его огромный силуэт сверкал в изломанном свете. Тварь была такой же бледной, как и остальные, такой же шестирукой, с выступающим гребнем на голове и согнутой спиной с костлявыми лопатками. Она припала к полу, сверкая бронированной шкурой, и его яйцеклад хлестал как кнут.

Это был господин. Это был убийца. Это был, как в Империиуме называли существ его рода, повелитель выводка.

Гуннлаугур опустил громовой молот и начал ритуальный вызов. Смертные слова Фенриса эхом раздались из вокс-усилителя, заглушив на мгновение визг ксенотварей. Он чувствовал, как тяжело бьются его сердца, прилив гипердреналина, прилив жажды убийства, первобытной любви к охоте, вырывающейся наружу. Повелитель выводка двигался с ошеломляющей скоростью, взмыв в воздух, расставив руки. Гуннлаугур ударил навстречу ему громовым молотом, выставив его на пути зверя. Боёк молота ударил с грохотом, расколов хитиновую пластину, но повелитель выводка лишь взмахнул другой лапой, глубоко погрузив когти в левый наруч.

Гуннлаугур отшатнулся и взмахом громового молота отбросил другую руку твари. Её когти были

повсюду, кололи, кружились, хлестали. Волчий гвардеец сражался яростно, стараясь бить как можно быстрее, разгоняя броню до предела. Перехватив молот одной рукой, он обрушил его потрескивающий боёк на истекающую кровью спину твари, но та уже оказалась слишком близко.

Они сцепились вместе, разрывая, рыча, треща. Правый наплечник Гуннлаугура оторвало, открыв проводку. Нагрудник был расколот, вокс-решётку промяло. Когти дорвались до плоти, ободрав рёбра, хлестали по перчаткам.

И он не мог нанести смертельный удар. Повелитель выводка уклонялся от взмахов громового молота, избегая смертельного разрывающего удара, а затем вновь бросался на него, размахивая побагровевшими когтями. Гуннлаугур видел проблески его лица – гротескного, получеловеческого, скривившегося в жестоком оскале, похожего на маску трупа, на кошмар, взятый из тёмных уголков видовой памяти.

Гуннлаугур ударил крест-накрест, крутя громовым молотом, метя в глотку твари. Но ксенос увернулся, а затем вновь подскочил, замахиваясь разом тремя руками, намереваясь повергнуть его столькими ударами, что их нельзя было бы отразить. Гуннлаугур парировал молотом один, отшатнулся от другого, но третий дошёл до цели. Когти глубоко погрузились в нагрудник, рассекая плоть.

Гуннлаугур, уже истекающий кровью из дюжины ран, отшатнулся от боли. Тварь бросилась на него, тяжело дыша, щёлкая челюстями. Эхо и грохот болтерного огня разносились по залу, иногда ревело пламя, рычало энергетическое оружие.

И тогда к Волчьему гвардейцу пришло воспоминание, яркое, как сны готи. Он увидел, как волк прыгает на него, метя в глотку. Ощутил рывок, с которым ему оторвало руку, и дыхание хищника на лице.

Повелитель выводка бросится за громовым молотом.

Как и прежде, зверь вырвет оружие из его кулака, вырвет вещь, которая принесла ему боль, а затем бросится на её обладателя. Гуннлаугур осознал намерения твари за долю мгновения, как она начала двигаться, представив, как будет мыслить чужак. Он мгновенно опустил налево, напрягая все сервомоторы, уводя священное энергетическое оружие с пути удара и прочь.

Повелитель выводка бросился на молот, и его встретил удар Гуннлаугура. Да, его громовой молот был далеко, но зато левый кулак – близко. Сжатая латная перчатка врезалась в череп существа, и он услышал треск раскалывающегося хитина. Он бил вновь и вновь, молотил тварь словно градом. Повелитель выводка отшатнулся, теряя опору, и волчий гвардеец наступил на отставшую ногу, расколов панцирь и искалечив зверя. Зверь ударил рукой в ответ, разбив броню под коленным сочленением, но Гуннлаугур уже навис над ним, занося громовой молот.

Однажды он уже пожертвовал оружием ради победы. Никогда более.

Взяв рукоять обеими руками, он занёс Скулбротсйор над головой, собираясь с силами, а затем обрушил его на тварь. Молот соприкоснулся с шеей повелителя выводка, вбивая раздутый череп в пол и давя дальше, круша металл под ногами, разрывая его вспышкой энергетического разряда. Тело прижатого словно огромное насекомое зверя безумно забилось, а затем обмякло.

Гуннлаугур ударил громовым молотом вновь, раскалывая мерзкую плоть, и иخور забрызгал его разбитые пластины брони. А затем он обернулся и торжествующе заревел, подняв сверкающий молот над треснувшим шлемом.

- Фенрис! - взревел Волчий гвардеец, и от его яростного, усиленного бронёй крика содрогнулся зал.

Вокруг него братья по стае приступили к убиению врагов, сцепились с ксеносами, кулаки их были в крови, а оружие пело. Варьек пал, и генокрады кишели вокруг него, пытаясь разорвать нагрудник. Другие были втянуты в тяжёлый бой, противопоставив слепому гневу чужаков свою собранную ярость.

Это было жестокое и славное зрелище - сыны Фенриса, сошедшиеся в смертельной бойне с порождёнными Хель отродьями далёких звёзд. Тогда гнев Гуннлаугура смягчила свирепая радость, ведь он был создан для таких сражений. Каждое его сухожилие было перековано для очищения земель человечества от нечистых тварей, для сокрушения их на наковальне гнева, для охоты на них согласно первобытным обычаям своей свирепой родины.

И тогда поглощённый праведным гневом Волчий гвардеец зашагал навстречу врагам, сжимая в руках рычащий и сыплющий искрами Скулбротсйор, намереваясь вновь окунуться в убийство, и в сердцах его колотился барабанный бой насилия.

Охота продолжалась. Так всегда было. Так всегда будет.

Когда Ульфан пробудился вновь, то не увидел ни деревьев, ни звёзд, ни зверя. Тело его содрогалось от боли, худшей, чем челюсти волка. Он пытался поднять голову, но его удерживал железный ошейник.

Его наполнил чистый и удушливый ужас. Ульфан видел вшитые в его руки тонкие нити, полупрозрачные, словно звериная кожа. Воздух пах неправильно - он не чувал ни зверей, ни земли, только металл. Он попытался двинуться, и нити в руках больно натянули его плоть. Ульфан лежал на спине, прижатый, измождённый.

Он не мог ничего разглядеть. Всё было размытым, переплетением теней и пятен света. Что-то огромное возникло перед глазами. На мгновение, на короткий проблеск ясности, он увидел огромный череп с сверкающими красными глазами.

Он хотел закричать, но этого не дала уходящая в глотку трубка. Череп бесстрастно смотрел на него, изучая так, как человек изучает оружие.

Затем череп склонился ниже, и железным кулаком вытянул трубку из его глотки, отчего Ульфан закашлялся, но смог говорить. Другой железный кулак появился перед глазами, сжимая тонкий топор с отметинами зубов на рукояти.

- Как ты называл его? - раздался голос, скрежещущий, словно ледник, глубокий, как корни гор.

Он должен был ответить. Должен, даже хотя его глотку саднило до крови, а ужас никуда не исчез.

- Скулбротсйор, - прохрипел он, и голос его прозвучал жалким, призрачным шёпотом по сравнению со всё ещё отдающимся в ушах божественным гласом.

Маска-череп кивнула.

- Запомни это имя. Мы сделаем тебе достойное его оружие.

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 августа 2021 в 21:52.